

ДАНИЛА ЛИНДЭЛЕ

— У МЕНЯ ЕСТЬ 200 \$ - Я ПОЕХАЛ —

ВОКРУГ СВЕТА



СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Данила Линдэле

**У меня есть 200\$ – я
поехал вокруг света**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Линдэле Д. А.

У меня есть 200\$ – я поехал вокруг света / Д. А. Линдэле —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Молодой, ищущий и амбициозный парень - музыкант, бывший общественный деятель и политический активист, успевший поработать даже в Государственной Думе, оказывается в глубоком кризисе. Разрушив свой брак, уже второй по счету, он катится вниз, бесконечно пичкая себя наркотиками, и все глубже уходит в депрессию. Пока однажды не решает бросить все и уехать как есть, без денег, в кругосветное путешествие автостопом, которое в корне изменило всю его жизнь. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	5
Часть 1. Решение	6
Часть 2. Перегрузка	11
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Предисловие

В наше время мало кого удивишь авантюрными путешествиями. Это стало своего рода модой, мейнстримом, и подобное время-препровождение не несет никаких опасностей, с которыми сталкивались первые путешественники, открывавшие новые земли, моря и океаны. Осталась лишь та опасность, которую создали сами люди, но и столкновение с ней – дело исключительной везучести, потому что последнее десятилетие – самое благоприятное и безопасное время для покорения новых вершин. Время географических открытий навсегда ушло, но вместе с этим наступило время расширения собственного кругозора, сжатого в городских условиях до крохотной точки на фоне бесконечного звездного неба, где единственным мотивом для многих людей является самоутверждение. Точки, на которую со всех сторон давит мир, каким нам показывают его с экранов компьютеров, телевизоров и современных гаджетов. Этот мир заставляет нас погружаться в себя и смотреть вокруг взглядом маленького человека, не способного что-либо изменить и тонущего в пучине эмоционального одиночества. А многих этот мир загоняет в депрессию, лишая всякой надежды на будущее. Загоняет в места, где рождаются ненависть и страх. Но этот мир существует только в нашем воображении. На деле же он вовсе не такой, каким нам его показывают, и я понятия не имею, какой он на самом деле. Но теперь я знаю точно, что в нем нет такого количества ненависти, безумия и бесчинств, а безысходность – лишь иллюзия. Наоборот, с каждым километром пути мне открывалась его безграничная любовь, доброта и забота, сокрытая в сердце каждого человека, свободном от догм, концепций и постулатов. Благодаря этому путешествию я впервые в жизни начал доверять этому миру, а страх продолжает таять прямо на глазах.

Пожалуйста, не стройте ожиданий от этой книги. В ней нет завораживающих приключений, секретов бюджетного отдыха и описания достопримечательностей и кухни других стран. Это книга о погружении в себя через внешний мир и о том, к чему это может привести. Книга о полученных мною уроках, которые, я надеюсь, помогут тем, кто в этом нуждается.

Спасибо всем, кто помогал в издании этой книги.

Я благодарю вас от всего сердца, которое только-только начало расти внутри меня. Без вас ее бы не было.

Часть 1. Решение

«Я хочу путешествовать, но для путешествий нужно много денег» – эту фразу мне приходится слышать достаточно часто от самых разных людей. И в чем-то они правы. И впрямь, если ты хочешь путешествовать с комфортом, останавливаясь в отелях, передвигаясь на самолетах, поездах и кораблях, обедая в кафе и ресторанах, то тебе действительно нужно много денег. Если ты согласен на хостелы, столовые или газовую горелку – тебе тоже нужны деньги, но уже на порядок меньше. Но если жажда путешествий не дает покоя, в кошельке едва слышен звон монет, твой желудок готов к перебоям с питанием, а ум – к каждодневной неизвестности, то в путешествие можно отправиться вообще без денег. Ты просто берешь рюкзак, документы и выходишь на трассу, подняв вверх большой палец правой руки. И наблюдаешь за тем, как начинает выстраиваться цепочка невообразимых чудес.

Кто-нибудь обязательно скажет, что автостоп – это опасно. Что по дороге у тебя что-нибудь украдут, покалечат, изнасилуют или на худой конец убьют. Хотя убьют – это совсем худой конец. Но в основном все вопросы интересующихся сводятся именно к этому: «А тебе не страшно?» Страшно. Но волков бояться – в лес не ходить. А так-то можно и щавеля покушать да в лесу переночевать. Но страх очень быстро пропадает по мере привыкания к такому образу жизни. Словно маленький ребенок: сначала ему страшно переходить дорогу с оживленным движением, но со временем он привыкает и страх исчезает. К тому же, вы знаете хотя бы одну реальную историю про смерть путешественников? Наверняка кто-то умирал, но на слуху нет ни одной. Знаю лишь пару историй про кражу рюкзаков, оставленных без присмотра. Но что можно украсть у человека, у которого ничего нет? Пару шмоток и спальник? То-то же. Так что пусть крадут на здоровье. Хотя и это редкость, если ты бдителен. Но вообще гораздо больше людей умирает, поскользнувшись в ванной, нежели сев к незнакомцу в машину.

Так что же заставляет людей отправиться в такое, на первый взгляд, рискованное путешествие? Зачем они это делают? Что ими движет? За других ответить не могу, но лично меня сподвигла на это очередная жизненная катастрофа. А что делают люди, когда с ними происходит катастрофа? Когда все, что они строили, что создавали, чем жили, рушится в один момент, за какие-то доли секунды?.. Даже если все это было иллюзиями? Правильно. Все они стоят на обугленных руинах своего прошлого, смотрят в туманное будущее и думают: «А что же дальше? Начинать все заново? Идти по той же дороге?»

Тут-то и наступает то самое время выбора. Время, когда нужно принимать решение, от которого зависит вся дальнейшая жизнь.

У каждого человека момент выбора наступает в разное время, и связан он с совершенно разными событиями: кто-то терпит неудачу в отношениях, кто-то теряет работу, на которую потратил долгие годы, кто-то лишается дома, имущества, близких людей или даже здоровья. А кто-то наоборот сделал все, что хотел, у него все получилось и всегда получалось, но на душе все равно кошки скребут. Чувствует, что не на своем месте сидит и занят не своим делом. Но, несмотря на такую поверхностную разность происходящих событий, у всего этого есть одна общая черта – возможность изменить свою жизнь раз и навсегда. Но почему-то в большинстве случаев мы этой возможностью не пользуемся и в который раз толкаем в гору очень тяжелый камень необъятных размеров, по привычке видя лишь один путь. А если и удастся дотолкать его до вершины, то все оставшееся время и силы тратим на то, чтобы он не скатился обратно.

«А какой в этом смысл?» – спросил я себя однажды. За окном только-только начиналась весна.

* * *

Возможность путешествовать есть далеко не у всех. У кого-то за спиной семья и дети, у кого-то больные родственники, которым нужна поддержка и забота, а кто-то окружил себя таким количеством обязательств, что избавление от них влечет неприятные последствия для большого количества людей. В общем, обстоятельства у всех разные. Но если ты один, на тебе нет никакой ответственности, то более благоприятной возможности быть не может. Одинокий и безответственный – что может быть прекраснее?! Эту картину может дополнить только друг, который всегда поддержит и даже не подумает разубеждать.

С Петей мы не виделись почти три года, да и эту встречу особо не планировали. Просто я заехал на Севастопольскую по своим не самым важным делам и вспомнил, что он живет где-то неподалеку. Я позвонил ему, и мы договорились встретиться через полчаса в одном из кафе.

Петя заказал себе несколько гамбургеров, а я довольствовался картошкой фри: скоро будет два года, как я совсем не ем мясо, но даже не задумываюсь о здоровом питании.

Вечно улыбающийся Петя спросил:

– Ну и чем ты сейчас занимаешься?

Я без тени страха и сомнений, даже не задумываясь о том, что Петя может про меня подумать, ответил, что через 2 недели уезжаю в кругосветное путешествие с 200 \$ в кармане, после чего его глаза вылезли из орбит. Я тут же рассказал ему, что, оказывается, в мире есть шикарная возможность не только путешествовать по разным странам, но и жить там совершенно бесплатно, погружаясь в местный быт. Перерыв Интернет, я нашел сайт, где владельцы ферм и туристических центров приглашают к себе волонтеров для работы в обмен на еду и жилье, а где-то даже предлагают бесплатные экскурсии, мастер-классы и походы. Его адрес <http://www.wwoofindependents.org/>. На тот момент там было около 350 предложений по всему миру, начиная с Марокко и заканчивая Вьетнамом, и, что самое главное, никаких денег платить не нужно, разве что 20 фунтов стерлингов в год за пользование сайтом. Ты просто договариваешься с людьми, а потом приезжаешь к ним, если вы друг друга устраиваете. Этот сайт был подарком, потому что большинство аналогичных – что-то вроде экотуризма, где люди платят немаленькие деньги за то, чтобы в какой-нибудь стране третьего мира помогать нуждающимся или пожить деревенской жизнью. Такой вот бизнес на благодетельности и простоте придумали проворные люди. А тут все было так чисто!

Я сказал Пете, что уже получил ответы из Монголии, Камбоджи и Бали и примерно через неделю отправлюсь в том направлении.

Слушал Петя очень оживленно и высказал дельную мысль:

– Так это же целая идея! Если у человека наступает какой-то жизненный крах, когда кажется, что все кончено, когда он погружается в небывалый депрессняк, надо срочно сменить обстановку. Это же лучший способ прийти в себя, увидеть новые перспективы в жизни, да и вообще проветриться. Съездить куда-то отдохнуть – не каждый может себе позволить, но условные 200\$ на билет есть почти у каждого. А если и нет, то это не та сумма, которую невозможно заработать. И не в отелях лежать пузом кверху, а прочувствовать жизнь всем своим нутром. Не сдавать московские квартиры и жить на эти деньги в тропиках, как это делают современные, прости господи, дауншифтеры, а погрузиться в настоящее путешествие без ничего. Отделиться от материального мира. Я бы сам так с радостью поехал, только у меня пока все хорошо. Тьфу-тьфу-тьфу...

Надо проветриться... Петя, ты гений! Ты высказал то, что вертелось у меня на языке, но я никак не мог это сформулировать. Отключиться от системы, уйти в перезагрузку, включиться и заново посмотреть на мир перед собой. Я настолько погряз в болоте, а мой мозг просто выкипал от обилия происходящего вокруг хаоса, однообразия самого устройства жизни,

протеста против всего, что меня окружало, что мне срочно надо было что-то придумать, чтобы не съехать с катушек. Вот я и придумал. И если оглянуться назад, то однажды так и должно было случиться – другого я выдумать не мог.

За 26 лет, что я живу на этом свете, у меня было несколько попыток сбежать из дома. Первые две случились еще в школе, но дальше планирования дело не пошло. Сначала с моим другом Пашей мы обсуждали, как бы спрятаться на одной из заброшенных АЗС, чтобы нас никто не мог найти. Даже заправку нашли подходящую. Потом, когда мне было лет десять, после очередной семейной ссоры, я твердо решил, что уеду из дома в Москву и буду жить на улице, раз уж я тут никому не был нужен. Взял баночку из-под майонеза, чтобы было во что просить милостыню, в нее положил зачерствевшую булочку и 10 рублей на автобус до столицы и, как обычно, лег спать на втором ярусе двухэтажной кровати в детской комнате. По плану я должен был встать в 6 утра и навсегда уехать из дома: вот тогда-то они, мои родители, поймут, как я им дорог... Встать-то я встал, да только сбежать передумал. Весь запал злобы и обиды ушел во сне.

В 18 лет, после тяжелого расставания с моей первой девушкой, с которой мы встречались два года, мне очень хотелось уехать волонтером куда-нибудь в Африку и помогать бедным и несчастным детишкам. Но тогда волонтерских программ найти не удалось. Примерно то же самое случилось и после первого развода. Но вместо этого отец отправил меня на месяц в Египет, когда это еще стоило адекватных денег – этого оказалось более чем достаточно.

Но в этот раз все было иначе. После тяжелейшего разрыва со второй женой, день за днем, на протяжении полутора месяцев, я не хотел просыпаться по утрам и старался как можно больше времени проводить в постели, потому что невыносимо было осознавать, что впереди точно такой же бессмысленный день, какой был вчера, и каким он будет завтра. Когда же я бодрствовал, то уходил в наркотический дурман, хотя и это уже не спасало: мои демоны догоняли меня и там. Я почти не ел и не пил, а из дома выходил лишь за новой порцией травы или гашиша, дрожащими руками снимая деньги с кредитной карты и рассекая по городским улицам на автомобиле без водительских прав. Амфетамин, который я принимал, чтобы почувствовать иллюзию счастья, уже не действовал. Если бы кто-то предложил мне в то время героин, то, уверен, я бы немедленно согласился, чем наверняка сломал бы жизнь далеко не только себе. У меня не было работы, и мне не хотелось работать: я видел бессмысленность этой рутины и не видел себя в ней. Не понимал, зачем мне это нужно, ведь я не хотел даже существовать, не говоря уже о том, чтобы жить. Но и лишиться себя жизни я тоже не мог: все это уже было, и тогда, много лет назад, мне посчастливилось выжить там, где не выживают, не получив ни единой травмы. А потом своими глазами увидел, какое горе принес близким людям, и этот путь сам для себя закрыл. Теперь же мой мир оказался абсолютно пуст и лишен смысла – по моей собственной воле. Мне больше ничего не хотелось, но никакого покоя и блаженства я не испытывал. Я существовал в мертвом коконе выдуманной мной реальности.

Я прекрасно помню то серое время, наполненное глубочайшим одиночеством и печалью, когда все вокруг было окутано туманом. На деле же оно существовало всегда, с самого детства, и время от времени я начинал тонуть, нить за нитью обрезаю связь с настоящим.

Никто не знал, что со мной происходило. Ровно как никому не было до этого дела. Молчал я – и все вокруг молчало.

Я закрывался от мира, и мир закрывался от меня. Не помню лишь одного: как ко мне пришло понимание, что нужно что-то менять в своей жизни, иначе все, конец. Если не сейчас, то никогда. Той жизнью, которой я жил раньше, я больше жить не хотел. И тем человеком, которым я был в тот момент, оставаться не было никакого желания. Я медленно умирал. И тут либо пан, либо пропал.

К тому же я всегда мечтал отправиться в самостоятельное длительное путешествие, полностью доверившись миру. Вот я и отправился, коснувшись дна. Просто встал и пошел. Умереть я всегда успею, тогда почему бы не попытаться пожить?

* * *

На следующий день после встречи с Петей мне нужно было заехать за рюкзаком и палаткой в одну из фирм, которая согласилась таким образом проспонсировать мое путешествие. Достать бесплатное снаряжение оказалось достаточно просто, но, оглядываясь назад, я понимаю, что мне просто повезло. Мне, вообще, все время везет.

Однажды утром я проснулся, по привычке зашел в телефон посмотреть, не пишут ли мне чего интересного в соцсетях, и спросонья включил ленту новостей, которую обычно не читаю. В ленте увидел, как одна фирма устроила конкурс репостов – разыгрывала неплохую автоматическую палатку. Я зашел в их группу, спросил, с кем можно поговорить о спонсировании моего путешествия, и буквально на следующий день получил радостную новость: «Мы дадим вам палатку и рюкзак. Выбирайте. С вас – отзывы на нашем сайте, упоминания в своих заметках и красивые фотографии, где изображена наша экипировка». Не знаю, что их убедило – либо мои цифры по подписчикам на тех или иных интернет-ресурсах (на самом деле совершенно не убедительные), либо просто девушка, с которой я общался, оказалась одной крови со мной, но факт остается фактом: снаряжение я получил. А спустя какое-то время узнал, что та девушка, Олеся, сама уехала путешествовать, работая удаленно.

До начала путешествия оставалось около недели, когда меня обуял жуткий страх. А что если ничего не получится? Что если я не смогу добыть себе денег, еды и ночлега? Что если я вообще не способен путешествовать? Или же со мной что-то случится в дороге? Может быть, вообще никуда не нужно ехать? Может, мне вообще все это не нужно? Я не спал ночами, мое тело не переставая дрожало, и хотелось все бросить. Списать свою затею на браваду, на мальчишество, снова свернуться в клубочек и остаться дома. Но при этом внутри себя я чувствовал неизвестную мне доселе уверенность. Будто что-то говорило мне: «Ты на верном пути. Это просто страх, на который не стоит обращать внимания. Все это происходит только в твоей голове». Этот голос был настолько спокойным и уверенным, что я не мог не доверять ему. Я не мог не доверять себе, ведь внутри я знал, что все делаю правильно. И в какой-то момент я перестал бояться – нужно было просто переждать эту внутреннюю бурю, как переживают непогоду. Хотя, признаться честно, я был очень близок к тому, чтобы пойти на попятную: просто переждать – это не так просто, как кажется. Иногда складывалось ощущение, что эта буря будет продолжаться вечно. Но, говорят, самая темная ночь перед рассветом. И когда я почувствовал, как внутри меня умерло что-то лишнее, отжившее свое, меня перестало пугать даже отсутствие точного маршрута. Я знал лишь то, что сначала поеду в Абхазию, потом в Монголию, а затем куда-нибудь в Юго-Восточную Азию: на Бали, в Камбоджу или Таиланд. Оттуда – на корабле на другой континент. Будет это Африка, Австралия или Южная Америка – не знаю, как карты лягут. Индию хотелось бы проехать мимо и заглянуть туда как-нибудь в другой раз, в самом конце: по опыту своих знакомых знаю, что там можно надолго зависнуть, погрузившись в мир бесконечных сейшенов, ЛСД и марихуаны. А после этого вряд ли захочется ехать куда-то дальше, найдя очередное укрытие от самого себя. По крайней мере, эта сторона индийской медали была для меня опасна: я очень падаю на соблазны. А до другой стороны, стороны практик, творчества и духовного роста, на тот момент я еще не дорос. Но то, что я перестал бояться неизвестности, стало для меня открытием.

Рюкзак был уже собран. Внутри лежали пара футболок, джинсы, носки, трусы, термобелье, свитер и флисовка, непромокаемая ветровка, ванна принадлежности в отдельном чехле, несколько блокнотов и тетрадей для заметок, планшет, альбом для рисования, цветные каран-

даши, дарбука для стрита, палатка, спальник, пенка, котелок, кружка, миска и египетская туника. И еще пара кусков дегтярного мыла, чтобы можно было мыться в речках, не причиняя вреда природе. Но, несмотря на то, что вещей у меня было совсем немного, рюкзак оказался очень тяжелым: общий вес составил примерно 27 килограмм. И больше половины этого веса занимали палатка, спальник и дарбука. Спустя два года, уже во время моего другого путешествия, я уменьшил вес рюкзака всего лишь до нескольких килограмм, выкинув палатку, как ненужный атрибут, и оставив два комплекта одежды – дорожный и городской.

Очень важно было уехать, сохранив хорошие отношения с семьей. Когда тебя не хотят отпускать – разговаривать бессмысленно. Поэтому я написал письма. Маме – что очень сильно ее люблю, хоть она в это и не верит. Поблагодарил ее за то, что у меня есть возможность отправиться в это путешествие, ведь такая возможность есть далеко не у всех, и попросил уделять побольше внимания бабушке, которая очень страдает от одиночества. Отцу я написал, что больше на него не злюсь и ни в чем его не виню, и также поблагодарил за возможность путешествовать. Бабушке, которая больше всего не хотела меня отпускать, – о том, что мне очень тяжело с ней общаться, потому что из детства остались только плохие воспоминания, как она несколько раз в неделю била нас собачьим поводком и выбивалкой для ковров, но, несмотря на это, я люблю ее и ценю все, что она для нас делала и делает – ведь она всю жизнь полностью отдавала себя другим людям. А младшему брату просто пожелал удачи и не падать духом. В последние пару лет на него навалилось очень много внутренних проблем. Обошел вниманием только старшего брата, но только потому, что у него и так все хорошо. Отдельное письмо я написал своей жене Танечке, которая после нашего расставания гостила у своей сестры в Таиланде, купив билет в один конец.

Я прощался, потому что вероятность того, что я не вернусь или вернусь, но кого-то уже не застаю, – была. Она всегда есть. Даже когда уходишь на работу или в магазин. С тех пор как у меня внезапно умер дедушка, с которым я созванивался всего пару раз в год, но который при этом был мне очень дорог, я стараюсь строить отношения с людьми так, будто завтра их или меня уже не станет. Как оказалось, я совсем не знал своего деда, а он был безумно интересным человеком с ценнейшим опытом. Теперь я всегда искренне интересуюсь жизнью близких мне людей. Не только потому, что мне это стало действительно интересно. А потому, чтобы в послевкусии не оставалось чувства вины или стыда и никто не жалел о том, что не успел попрощаться. Жаль, что это получается не со всеми, и порой люди, идя на поводу у гордости, предпочитают нести свою боль, позволив ей себя разъедать, нежели избавиться от нее раз и навсегда.

Часть 2. Перезагрузка

Перезагрузка – это процесс, при котором компьютер или любое другое устройство полностью очищает либо восстанавливает содержимое оперативной памяти и возобновляет свою работу заново. То же самое можно сказать и про человека.

Перезагрузка бывает жесткая и мягкая. Жесткая – вы выдергиваете компьютер из сети либо в квартире выключают свет, и компьютер моментально отключается. Это перезагрузка без первичной подготовки, после чего в программном обеспечении возникает множество сбоев, которые впоследствии дадут о себе знать. Что такое жесткая перезагрузка, многие из нас ощутили на себе в начале 90-х годов, когда в один день старый мир рухнул, а новый пришлось строить заново. Последствия мы можем наблюдать прямо сейчас. И не только в жизни вокруг, но и внутри семей: скольких людей сломали эти перемены, сколько судеб они порушили. И тот, кто оказался слаб, найдя силу в существовавшей тогда системе, а не в себе самом, невольно стал разрушителем судьбы будущих поколений.

Другой вид перезагрузки – мягкий. Он происходит под программным контролем, с первичной подготовкой, и никаких угроз для системы не несет. Ее мы тоже наблюдали – в конце 80-х – начале 90-х годов. Те, кто ее проводили, не понесли никаких потерь, а, наоборот, приобрели во много раз больше, а для остальных – просто отключили свет, поставив перед фактом. Как антракт в театре – за 15 минут меняли декорации, а актеры, работники сцены и оборудование остались прежними. Просто зрители видят совершенно другую картинку и воспринимают ее, переживают ее иначе.

Есть еще один вид перезагрузки – спонтанный, когда компьютер перезагружается сам без каких-либо запросов со стороны пользователя. Такая ситуация может возникнуть в случае аппаратных проблем либо из-за фатальных сбоев в работе системы. Например, из-за так называемой kernel panic – «паники ядра» – критической ошибки ядра системы, после которой она не может продолжать работу в прежнем виде. И единственное спасение – перезагрузка. Как раз мой случай. Но я и не подозревал, что займусь еще и «пересборкой» ядра, переворачивая, разбирая и заново собирая свой внутренний мир и себя самого.

По иронии судьбы именно так называлась волонтерская программа, по которой я попал в Абхазию. «Перезагрузка» – программа специально для тех, кто хочет уехать подальше от городской суеты и нервозности, окунуться в деревенский быт, пожить в тихом месте недалеко от моря, хорошо провести время, а потом вернуться домой обновленным человеком. За 3 часа работы в день можно было бесплатно жить, а за 5 часов – жить и кушать 3 раза в день домашнюю еду. Идеальный вариант. Я списался с владельцем хостела, получил добро и вскоре отправился в путь. Впереди первые 1780 километров.

* * *

Я давно хотел попасть в Абхазию, но при попытке доехать туда три года назад нас с друзьями повязали на блокпосту перед Сочи за хранение и употребление марихуаны. Самое смешное, что я вообще не знал, что у меня что-то было. Но при тотальном обыске накануне Олимпиады, когда разворачивали даже спальники, палатки и одежду, прощупывая каждый шов, в старых штанах на дне рюкзака нашли пакет, в котором оказалось немного пыльцы дикой алтайской конопли, которую мы собирали для манаги за пару месяцев до этого случая. Как позже показала экспертиза, в пакете было всего 0,015 грамма, чего бы не хватило даже на один вдох. Зато этого хватило, чтобы загреметь на 5 суток и получить весомый денежный штраф, не говоря уж о лишении водительских прав.

Из дома я выехал в полдень 28 апреля 2015 года. До удобного места для автостопа меня довез старший брат. Он из тех людей, которые всегда готовы помочь.

Честно говоря, я даже не знаю, как описать то чувство, когда ты надеваешь на плечи тяжелый рюкзак, встаешь на обочину, вытягиваешь руку с поднятым вверх большим пальцем – знаком автостопа – и понимаешь, что именно в эту секунду начинается совершенно другая жизнь. Что ты не вернешься домой еще очень и очень долго, а что будет дальше – через день или же через час – неизвестно. Что у тебя в кармане всего 200 долларов и пара-тройка тысяч рублей, а все твои вещи – в рюкзаке за спиной. Их не так уж и много, но это все, что нужно для жизни. А потом ты внезапно понимаешь, что прошлое перестало существовать. Его просто нет, оно больше не важно. Оно тебя не догонит, а если попробует позвать назад, ты его даже не услышишь. Тебя больше ничего не держит. Наверное, это то самое пресловутое «здесь и сейчас», о котором так модно стало говорить в последние годы. Но я его чувствовал. И это было интересно.

Первая машина остановилась уже через 10 минут. Мой попутчик, крупный мужчина лет 35, оказался владельцем строительной компании, которая строит коттеджи в одном из районов Подмосковья. Он рассказывал о своей службе в Дагестане и о том, как его родители обогатились на дефолте 1998 года, за день до 17 августа продав квартиру за доллары. Я же рассказал ему совершенно обратную историю, когда в этот же день женщина с больным ребенком на руках продала свою квартиру за рубли, чтобы переехать в другую, побольше, и осталась на улице. И вот уже 17 лет она ютится по приютам с дочерью-аутистом, работая на трех работах: уборщицей на одной, сиделкой на другой и кассиром на третьей. Когда я работал помощником депутата, мы делали запросы, чтобы помочь решить ее жилищные проблемы. Увы, ничего из этого не вышло – хоть сам квартиру покупай. После этой истории во взгляде водителя пропал тот задор, с которым он вел свой рассказ.

Но больше всего мне запомнилась история, как мой попутчик, будучи на срочной службе, пошел гулять по окрестностям и вдруг неожиданно провалился под землю. Оказалось, там была землянка, в которой кавказские боевики прятали оружие. Очень большая землянка и очень много оружия. А спустя некоторое время СМИ рассказали о том, что в ходе тщательно спланированной и заранее подготовленной операции руководством воинского подразделения был обнаружен незаконный склад боеприпасов, принадлежавший террористам. Начальство за это получило медальки и повышение, а солдат – увольнительную.

Мы проехали вместе совсем недолго, где-то с полчаса, и попрощались на одном из участков Московского малого кольца. Спустя несколько минут меня подобрал мой тезка на новеньком джипе-японце – очень общительный и дружелюбный парень. Раньше он работал в полиции, но ушел оттуда, потому что не смог терпеть высокомерия полицейских по отношению к обычным людям, грызни между собой, двойных стандартов и собачьего отношения начальства к своим подчиненным. Сейчас торгует металлом, и, судя по всему, дела у него идут совсем неплохо. Мы простились в Бронницах, и до М-4 – главной трассы на юг России – оставалось не так уж и много. Туда я доехал еще на двух машинах. За рулем первой сидел вылитый Евгений Гудзь – вокалист Gogol Bordello – в образе того пацана из фильма «И осветилось все». Даже манера говорить была такой же. Во второй – мужичок из Апрелевки, который только недавно вернулся из Урумчи (Китай) и объезжал московские пробки, делая 50-километровый крюк.

На М-4 машину пришлось ловить около 40 минут. Честно говоря, меня это удивило. Это был мой первый опыт большого автостопа, и по неопытности я думал: максимум, что мне грозит, – стоять 10 минут на трассе. Но когда мимо тебя проносятся сотни машин и ни одна из них не останавливается, начинаешь сомневаться во всей этой затее и думаешь, что с тобой что-то не так. Может быть, мои драные джинсы отпугивают людей, и они думают, что я какой-то бродяга? Но у меня же туристический рюкзак за плечами – это-то меня от бродяг и отличает. Или Че Гевара на футболке не нравится? Или же это просто зажавшаяся Москва, где помочь

кому-то, взять попутчика – подвиг, на который способен далеко не каждый? Благо опыт знакомых людей, много лет путешествующих автостопом, не дал пасть духом. А за все время путешествия я понял простую вещь: не всякая машина твоя, и свою надо просто дождаться. И когда она приезжает – ты сразу понимаешь: «Да, не зря я простоял здесь 2 часа».

Уже в первые часы своего путешествия ко мне пришло понимание, насколько раскрепощены водители, которые едут куда-то с незнакомыми попутчиками, подобранными на дороге. Они не стесняются, не зажимаются, а ведут себя так, будто вы знакомы с самого детства или даже больше – являетесь с ним одним целым. Они разговаривают без умолку, рассказывают самые сокровенные вещи, о которых, кажется, не знает даже их родня, и как будто бы так и должно быть. Будто что-то долго в них копится, но они все никак не найдут человека, которому можно излить свою душу. Ведь дома или на работе не поймут. А ты – случайно встреченный человек, идущий из ниоткуда в никуда, без имени и лица, которое он видит в первый и последний раз – идеальный вариант. Особенно если ты умеешь слушать. Мне же было любопытно послушать их – узнать другие стороны жизни. И многие из них оказались очень интересными. Но все эти люди говорили сами с собой, будто оказались на приеме у психотерапевта. Им не нужны были советы, реплики или что-то еще – им просто нужны были уши.

Но иногда случаются и казусы.

Полноватый невысокий мужичок лет 40 на вид, с рыжеватыми волосами и залысиной, с обручальным кольцом на правой руке, на «Форде-Фокусе» последней модели...

Мы спокойно разговаривали, а потом он сказал:

– Можно я задам тебе нескромный вопрос?

– Да пусть задает, – думаю. – О чем он может меня спросить, на что бы я постеснялся ответить?..

– Можно я у тебя отсосу? – невозмутимо сказал он.

Я чуть не поперхнулся от неожиданности. У меня в горле встал ком, уши заложило, и сказать, что я был ошарашен, это ничего не сказать. Несмотря на мое молчание, он невозмутимо продолжил, но было видно, как дрожат его руки, лежавшие на руле:

– Я тебе пару сотен накинута и километров 20 еще подброшу.

Только через минуту я смог что-то промямлить, оформляя в это бормотание вежливый отказ. Но, к своему собственному удивлению, мне не хотелось выходить из машины, а хотелось узнать у этого человека, как он решился на такой вопрос и что им двигало. И пока мы ехали, он рассказал, что подобное желание у него возникло в последние пару лет, что реализует он его примерно раз в два месяца, находя партнеров в Интернете, а жена, с которой давным-давно нет никакой любви, ничего о его пристрастии не знает, а в моральном плане ему за это совершенно не стыдно. Распрощались мы с ним очень скоро. Он поехал домой, к жене, свернув на одной из развилки, а я снова вытянул руку.

* * *

До Абхазии я доехал на добром десятке машин, но запомнились мне водители лишь нескольких из них.

Первого звали Леха. С ним мы проехали около трехсот километров и попрощались на подъезде к Липецку. Запомнился он тем, что олицетворяет большую часть того, почему или же от чего я уехал.

Леха уже 5 лет работал дальнбойщиком. Водит, правда, не фуру, а небольшой грузовичок с прицепом. Возит элитные двери из Краснодар, Москвы, Ульяновска и Белоруссии в Липецк, где его босс втридорога продает их толстосумам. В тот момент у него был груз на 9 миллионов. У Лехи всего один выходной в неделю, в воскресенье, а в отпуске он так ни разу и

не был за все время: нужно зарабатывать деньги, чтобы оплачивать ипотеку и кормить семью – жену и дочку, которые его почти не видят. Зарплата у него 50 тысяч.

Леха закончил 7 классов и всю дорогу уповал на то, что будь у него высшее образование, он бы вряд ли устроился на нормальную работу. Всем компаниям нужен трудовой стаж, даже если ты только что окончил институт, а тема стажировок во время учебы в нашей стране в те времена была не очень популярна. Он ругал правительство, хвалил Жириновского, и считал его серьезным человеком, эффективным политиком, и хотел бы видеть его во главе страны. Это меня сильно удивило, потому как, вертясь в политических кругах последние три года, я немного знал, как и что там устроено, а такие люди, как Жириновский, которого мне доводилось не раз лично лицезреть и общаться с его помощниками, – просто абсолютно лояльные говорящие головы для отвода глаз. Таких людей все устраивает, они занимаются только тем, что зарабатывают себе на жизнь и реализуют свои амбиции, прикрываясь идеологией, и, тем не менее, имеют серьезное влияние в решении каких-либо вопросов на любых уровнях. Правда, решают они исключительно свои вопросы.

Но вот кое в чем я был с Лехой полностью согласен.

В какой-то момент он сказал, будто повторяя мои мысли:

– Понимаешь, мы все повязаны. Все люди. Мы всегда кому-то что-то должны, мы не можем быть свободными в этом обществе. Вот ты родился – и уже должен. Как минимум пойти в школу, а иначе тебя в детский дом заберут. У кого-то кредиты, ипотека, семья, куча обязательств перед людьми... Если ты в эту воронку попал, то с вероятностью 99 % ты из нее не выберешься. Ты будешь всю жизнь работать для того, чтобы оплачивать эти обязательства, причем не только свои, но и совершенно других, чужих тебе людей. И ты уже никуда не сможешь от этого деться. Прямо как программа с капремонтам! По сути, ты живешь для того, чтобы тебе было что есть и где спать. Или вкуснее есть и мягче спать. И для большинства населения не то чтобы страны, а всей планеты жизнь заключается в том, чтобы зарабатывать себе на жилье и еду. Единственный выход из всей этой вертушки – не гнаться за общими трендами, которые большинству людей ненавистны и противоестественны... Но за которыми они почему-то гонятся, потому что так делают все. Нужно найти что-то свое, что будет приносить удовольствие. Вот тогда можно будет жить даже несмотря на обязательства.

Мне сразу подумалось: «Да тут даже умереть бесплатно нельзя. Тебе-то ладно, а вот родственникам придется хорошенько раскошелиться на похороны».

Не знаю, приносило ли Лехе удовольствие 6 дней в неделю крутить баранку, но глаза у него были прозрачно-пустые, а на лице читались безнадежность и уныние. По крайней мере, мне так казалось, но это совершенно не значит, что так было на самом деле. Все-таки мы видим то, что хотим видеть, и чаще всего – это отражение нас самих. А, быть может, он просто не нашел своего. Как и я в то время.

Было около 11 часов вечера, когда мы с Лехой попрощались где-то в сотне километров от Воронежа. Я попытался поймать машину, но ночью останавливаются очень редко, поэтому я сошел с трассы, поставил палатку и лег спать. В первый раз ночевать рядом с трассой было не по себе, но это не помешало мне быстро и крепко заснуть, моментально позабыв о нашем с Лехой разговоре.

* * *

Проснулся я около 7 утра. Впервые умывался газированной водой, бутылку с которой любезно оставил мне Леха. Моя вода закончилась в дороге, и он это заметил. Еще хотел дать свою куртку, когда я выходил из машины: беспокоился, не заболею ли я, ночи-то еще были холодные. Ту, что была на мне, признавать он почему-то не хотел. Быстро собравшись, я снова вышел на трассу. И снова простоял 40 минут с поднятой рукой.

На этот раз остановился бизнесмен из Воронежа, возвращавшийся домой с важной встречи. Честно говоря, я впервые в жизни встретил человека, который кайфовал от... продажи щебня.

– Ну, у меня не простая перепродажа, – уверенно говорил он. – Я налаживаю связь между покупателем и поставщиком, выстраиваю логистику, а дальше все работает само. Весь мой кайф в том, чтобы организовать процесс, а в случае со щебнем – это сложно и интересно. Надо найти подходящий карьер с железнодорожным подъездом, потом подобрать хорошую станцию с выгрузкой, найти машины. Везде нужно проехать, со всеми договориться, убедиться, что про тебя не забудут и не кинут, – процесс сложный, но очень интересный.

Еще он рассказал про своего сына. Ему 14 лет, и он уже полгода «встречается» в интернете со своей одноклассницей. У них там уже любовь до гроба, «жить без тебя не могу», в школе все считают их парой, но в реальности даже подойти друг к другу не могут. Стесняются. Обоих пригласили недавно на день рождения, так они сели по разные стороны стола. Ни о каких поцелуях и объятьях и речи не идет – да что там, даже за руки не берутся. Зато в диалогах «ВКонтакте» творится что-то невообразимое... Что с ними делать – мой попутчик не знает. Спрашивал моего совета, ну а что я мог ответить? Я лишь поделился своими мыслями о том, что люди все больше уходят от реальности в иллюзорные миры, которые сами выстраивают в своей голове, – там ведь намного интереснее. И в одном мире они чуть ли не супергерои или же ловеласы, а в другом – такие, какие есть на самом деле. Мы почему-то стараемся не замечать себя настоящих, а живем только образами, выстроенными в своих умах. А на тех, кто показывает нам нас настоящих, мы злимся за то, что возвращают нас в реальность, ведь в иллюзиях так сладко живется... Не знаю, как у вас, а у меня было именно так. И я знал, о чем говорил: когда я был подростком, то несколько лет своей жизни провел в онлайн-играх, найдя себя там. И, добившись немалых виртуальных высот, нехотя вылезал в реальный неинтересный мир, где я был никем, за что очень сильно его ненавидел. А вместе с ним и себя самого.

* * *

Дальнобой на фуру подобрал меня на развилке Воронеж – Ростов-на-Дону, где я простоял те же самые магические 40 минут. На вид ему было лет 35, внешность как у обычного работяги плюс к этому большое пузо и спина по форме водительского сиденья. Ехал он из Москвы в Севастополь, через паром в Новороссийске, а в прицепе было 20 тонн автомобильного масла. Сам он из Крыма, живет в Бахчисарае с женой и двумя детьми. 2,5 года водил фуру по Европе, объездил больше десятка стран, там и подсел на автостоп: всегда подбирает ребят с рюкзаками, стоящих на обочине, – на Западе их много. Объяснял это просто: «Не на себе же везу, а вон на какой большой машине!» К тому же, с попутчиком ехать куда веселее.

Водитель действительно был настоящим: хохотал, пел во весь голос шлягеры 90-х годов, рассказывал мне про жизнь дальнобойщиков, раскрывал дорожные секреты, а в какие-то моменты заводил разговоры за жизнь...

Оказывается, многие дальнобой поддельывают чеки на платные дороги: ночные тарифы меняют на дневные, иногда едут по бесплатной дороге, а потом делают чеки на платную. Сделать это можно по пути во многих местах, да и цена вопроса смешная – 20 рублей. Разницу кладут себе в карман, и постыдным это дело не считается. А еще можно изготовить копию пломбы на прицеп, чтобы вскрыть груз и взять себе чего-нибудь в разумных пределах. Цена пломбы – 10 рублей. Водитель рассказал, что в прошлом году дальнобойщики 11 суток стояли в очереди на паром в Крым, этим и жили – кто водку вез, кто мясо, кто овощи или сладости. Все владельцы транспортных компаний знают об этих хитростях, но, как сказал мой попутчик: «Не нашелся еще тот человек, который мог бы развести водилу на деньги». И добавил:

– Но с другой стороны, что еще делать, когда у тебя рейсовая оплата, а из-за этой возни с Крымом один рейс у тебя длится почти месяц?

По дороге произошел забавный случай. Водителю позвонил его друг, который ехал следом, и сказал, что вино, которое тот вез из Евпатории в Москву, перекупили, и теперь везет его в соседний Севастополь, сделав крюк в четыре тысячи километров. Аналогичную историю мне рассказывал и Леха: его отец, тоже дальнбой, вез макароны из Липецка в Москву, а когда приехал, ему сказали, что их надо везти обратно в Липецк, но на соседний склад.

С этим дальнбойщиком мы проехали больше тысячи километров. Это была моя первая фура, не считая КАМАЗа в детстве, на котором нас катал сосед по подъезду. Ох, какими же маленькими кажутся легковушки из кабины грузовика! И насколько ему тяжело тормозить, когда очередной ловкач вклинивается между фурами во время обгона. С точки зрения водителей грузовиков, идиотов на дорогах в разы больше, нежели с точки зрения обычного водителя. И многие люди, считающие себя нормальными водителями, как показала эта поездка, тоже бывают идиотами. И сколько же раз идиотом был я...

Изначально я планировал ехать через Краснодар, но раз попутчик ехал в Новороссийск, то и я решил изменить свой маршрут. К тому же эту дорогу я люблю намного больше: она на порядок красивее и, как оказалось, на сотню километров короче.

Когда мы проезжали Крымск, то мне сразу вспомнилось наводнение, которое случилось там пять лет назад. Оно унесло почти две сотни жизней и разрушило тысячи домов. В три часа ночи, когда люди мирно спали в своих постелях, огромная семиметровая волна накрыла город. Тогда государство слабо отреагировало на эту катастрофу, и на помощь жителям пришли волонтеры со всей России. Я был среди них. За три дня на мой электронный кошелек пришло около пяти миллионов рублей – от людей, которым было не все равно. Впоследствии эти деньги пошли на адресную помощь, доставку волонтеров, покупку инструментов, оплату бензина грузовикам, доставлявшим гуманитарную помощь с Воробьевых гор, где ребята из Москвы своими силами организовали пункт сбора. Это было время невероятного единения совершенно разных людей, после которого в моей жизни изменилось очень многое. В первую очередь, то, что я стал разделять людей на тех, кто делает, и тех, кто говорит. И впоследствии это сыграло со мной злую шутку, потому что те люди, которые что-то делают, часто ошибаются и потому очень не нравятся тем людям, которые предпочитают говорить. Я не спал по трое суток, отвечал на сотни звонков в день, ездил по затопленным станицам и даже покупал инструменты и обмундирование для спасателей, которых закинули в Крымск с Ростова-на-Дону даже без резиновых сапог. Они уже третий день курили на крыльце местной школы, не зная, чем заняться. А тем временем по улицам ходили обездоленные люди, их дома утопали в грязи, а в воздухе все устойчивее ощущался трупный запах погибших животных. Государственная машина разворачивалась очень долго и лишь на четвертый день начала работать – не спеша, сухо и механически.

Тогда же я впервые увидел, что такое настоящая паника: когда люди бросали свои машины и дома, бежали сломя голову на ближайшую возвышенность и оттуда, с жутким страхом в глазах, смотрели вдаль в ожидании второй волны, которая должна вот-вот прийти...

Точь-в-точь как в фильмах-катастрофах. А потом оказалось, что это была всего лишь уловка мародеров, которые таким образом отвлекали людей.

Мы ехали через Крымск молча. Ехали через Нижнебаканскую. Вот здесь лежал перевернутый автобус. Эту часть моста снесло. Здесь была куча поваленных деревьев. На месте этих домов были руины. А вот здесь, по отметке грязи на заборе, был виден уровень воды. Я узнавал места, но последствий наводнения не осталось никаких. Даже те машины, которые снесло в реку, а потом до самой крыши завалило камнями, давным-давно вытащили.

Мы попрощались с дальнбойщиком рядом с накопителем для фур сразу после Верхнебаканской. Там я и заночевал, забравшись на холм, с которого открывается неземной вид на

цементный завод, светящийся сотнями огней, словно космический корабль, прилетевший к нам с далекой планеты.

Погружаясь в сон, мне стало казаться, что мое прошлое вовсе мне не принадлежит. Что до этого момента я просто безвольно плыл по течению, совершенно не осознавая своих мыслей и действий. Но теперь мне предстояло переосмыслить все, что однажды со мной произошло. Прошлое, которое, как мне казалось, я не взял с собой, вело меня по дороге к самым своим корням, не обращая на меня никакого внимания...

* * *

Был третий день моего путешествия, и до Абхазии оставалось совсем немного, около 500 километров. Моим первым попутчиком в этот раз оказался молодой парень на убитой «пятнашке», который год назад переехал в Новороссийск из Донецка, оставив там дом и квартиру. Почти сразу же как началась война. Он даже две недели прослужил в ополчении, но когда понял, что это все большая профанация, его идейность моментально развеялась и мозги встали на место. С тех пор к ситуации на Украине он относится согласно известной фразе Шекспира: «Чума на оба ваши дома». Жизнью своей он доволен. Работает грузчиком и получает 25 тысяч. Говорит, что у себя в городе получал 6, а сейчас денег столько, что скоро купит машину, о которой когда-то и мечтать не мог. Правда, не уточнил, какую именно. Он высадил меня на вокзале, и следующие пять километров пришлось идти пешком. По дороге я потратил первые за три дня деньги: купил мороженое за 28 рублей. На улице было +20 градусов, и всю светило солнце, а по правую руку плескалось синее море.

Не знаю, почему так случается, но каждый раз, когда я вижу море или горы, то радуюсь как ребенок. Вроде миллион раз уже все это видел, а все равно испытываю невообразимый детский восторг. Даже когда прожил здесь три месяца в позапрошлом году и видел все это каждый день, то этот восторг ничуть не уменьшался. А уж если глаз увидит красивый пейзаж, то наворачиваются слезы. Когда я в первый раз был на Алтае, то даже расплакался от счастья – настолько красивым все было вокруг, и настолько родным. Тогда я чувствовал себя дома. Жаль, что зимой там очень холодно, а лето длится всего пару месяцев – так бы я давно переехал туда из неудобных каменных джунглей, поближе к древности.

Я шел по Сухумскому шоссе, очень узкому и без обочин, и мимо меня проносились машины. Шла большая стройка, и поднять руку я смог только после «Линии обороны» – мемориального комплекса, установленного на месте, где в 1942 году фашисты не смогли пройти дальше и потерпели поражение. Ловить машину я начал там, где стоит изрешеченный пулями вагон. Его я хорошо помню: когда мне было 12 лет и мы отдыхали в детском лагере в соседней Кабардинке, нас возили на экскурсию в Новороссийск, и историю про этот вагон, с десятками тысячами пулевых отверстий, рассказывали неоднократно. Правда, тогда он казался намного больше, да и дорога – на порядок шире. Вот в этом месте и остановилась роскошная «Инфинити», выезжавшая с цементного завода.

Папе 36 лет, живет в Сочи, женат, растет дочка. Как только я сел на кожаное кресло в роскошном салоне, он протянул мне коробочку с кешью и попросил не стесняться, если я захочу перекусить что-нибудь еще. У него своя строительная компания широкого профиля, но на тот момент он занимался заливкой бетона, работая на тендерах в разных регионах. Сначала мне показалось, что он под чем-то, может быть, даже под амфетамином, потому что вел себя очень активно и резко, говорил быстро и без пауз, но спустя некоторое время я решил, что это всего лишь нервы и выплеск адреналина от ситуации, которая с ним приключилась совсем недавно. И ему очень хотелось выговориться.

Ситуация до жути банальная для бизнеса таких масштабов: партнер Паши кинул его на деньги, забрав все заработанное на двоих за последний год, и попутно хочет подмять под себя

всю фирму. Одновременно с этим некое третье лицо потихоньку выводит за штат всю технику. И пока два партнера между собой воюют, фирма разоряется. Паша всю дорогу сетовал на то, что партнер оказался нечистоплотным, завистливым человеком, который никак не может найти себе место в жизни, ничего не понимает в строительстве, а участвует в деле только деньгами. Но при этом ему очень хочется почувствовать себя начальником, значимым человеком, поэтому рвется руководить огромным штатом, где, правда, его никто не слушается, потому что все знают о его некомпетентности. И, в конце концов, личная нереализованность превратилась вот в такие проблемы. Партнер же винит Пашу во всех своих бедах и теперь пытается его наказать. Что же было на самом деле, я не знал.

Пока Паша рассказывал всю эту историю, мы заехали на один из участков в поселке Возрождение, что под Геленджиком, где у него был тендер на укладку бордюров и тротуара. Пока он разбирался с тем, как идут дела, я спустился вниз, на мостик через реку Жане, и мне тут же вспомнилось, как 2 года назад я был почти на том же самом месте. Тогда мы все лето работали с Танечкой в детском лагере под Туапсе, и один из выходных провели здесь, в дремучем лесу среди древних дольменов, а по дороге обратно, поздно вечером, застопили 52-тонный цементовоз, у которого на спуске на серпантине заклинило тормоза. Слава Богу, все обошлось.

За 7 часов, что мы ехали вместе с Пашей, в его искренности у меня не осталось никаких сомнений.

Мы говорили обо всем: о семье, о работе, о людях, о жизни... Из этих разговоров можно написать целую книгу на тему философии и мироустройства, если бы я помнил, о чем шла речь. Настолько это было неважным. Но я впервые встретил человека, который смотрит на мир примерно так же, как и я. И что удивило, так это открытость и дружелюбие моего попутчика, несмотря на его роскошную оболочку. В голове же давно засел стереотип, что богатым людям до простых смертных дела нет. А вот Паша как раз остался тем самым человеком, которым он был, когда начинал свое дело. Он помнил, что когда-то у него ничего не было, и совершенно этого не стыдился, а потому видел в людях людей, а не кошелек. Таких редко встретишь.

Сейчас он думает над тем, чтобы завязать со строительным бизнесом, закончить грязную возню с федеральными деньгами и тендерами, от которых каждая крыса хочет откусить кусок, и открыть собственную ферму по совместительству с туристическим центром. Прямо как я. Только у меня денег нет, а у него они есть. Это я окончательно понял, когда на его телефоне высветилось напоминание «Купить квартиру в Москве».

Он говорил:

– С этой работой нет жизни. У меня дома жена, дочь, но я их практически не вижу. Я постоянно на нервах, постоянно работаю, все время что-то решаю, но это – не жизнь. Но я не могу остановиться, моя работа стала моим наркотиком. Я даже не могу и не хочу менять свои предпочтения: вот нравится мне моя машина, я к ней привык и другой не хочу. Хотя я прекрасно помню, как ездил на «девятке»! Как же я завидую тебе, что ты просто взял и поехал, не имея ничего. Тебе все двери открыты, и в первую очередь благодаря тому, что ты чист, с тебя нечего взять, ты никому не нужен с материальной точки зрения – и это самое классное, что может быть. Весь мир открыт перед тобой, и все вокруг будет тебе помогать.

Но была у Паши и другая сторона, о которой он не постеснялся рассказать. Точнее, про свое прошлое, которое очень схоже с моим настоящим. По сути, не по форме.

Когда его бизнес пошел в гору и на него свалились огромные деньги, Паша почувствовал себя королем мира. Он начал швыряться ими налево и направо, постоянно изменял своей жене, о чем потом во всех красках рассказывал ей, глядя прямо в глаза. Он унижал ее, говорил, что теперь может все и сам, и она ему больше не нужна. Хотел разорвать с ней всякие отношения, а люди, которых он считал друзьями на тот момент, как будто подначивали его к этому.

Они говорили:

– Да! Зачем тебе это? Ты не такой, не семейный. Ты одиночка, волк. Зарабатывай деньги, живи в роскоши – это все, что тебе нужно! Каждая баба – твоя! Ты будешь счастлив и без семьи!

Как будто кто-то специально говорил ему то, что хотели услышать его самые темные стороны.

В конце концов Паша понял, что натворил, и до сих пор расхлебывает последствия тех дней. Жена от него не ушла. Она вытерпела. И вот уже 7 лет у них все более-менее в порядке. В глазах Паши читалось огромное чувство вины перед ней, и он с болью в голосе сказал:

– Она уже очень давно не говорит, что любит меня. Но я знаю, что любит. Просто ей очень больно. Но она сама говорит, что раз уж после всего, что произошло, родила мне дочку и до сих пор со мной, то нет на свете более заинтересованного во мне человека, чем она... Она не говорит, что любит, но я знаю это.

По дороге Паша спросил, умею ли я водить. Следующие тридцать километров до поста ГАИ в Магри, где нас повязали три года назад, я колесил без водительского удостоверения по серпантину на машине стоимостью несколько миллионов рублей, а Паша спал на соседнем сиденье. Перед постом я разбудил его, а когда въехали в Адлер, он довез меня до самой границы с Абхазией, где мы обменялись телефонами.

На прощанье он сказал:

– Позвони, когда поедешь обратно. Очень рад был с тобой познакомиться!

* * *

Волонтерство – самый лучший способ совместить приятное с полезным, особенно если в кошельке не густо. Работать приходится немного, а кроме этого есть чудесная возможность научиться чему-то новому, познакомиться с интересными людьми и, конечно же, узнать ту страну, где ты находишься. Главное, правильно выбрать место своего пребывания и не строить никаких ожиданий. Ведь если ты приехал куда-то в гости, то принимаешь правила этого дома, а не пытаешься навязать свои. А если тебе повезет, то встретишь pinches tiranitos – мелкого тиранчика, – о котором Дон Хуан рассказывал Кастанеде. Мне повезло – именно к нему я и попал в «Старой Хижине». Дорога до него обошлась мне в 45 часов пути, 12 часов сна, 15 попуток и 28 рублей.

Знакомство с Андреем оказалось очень радостным и дружелюбным. Когда я приехал в хостел за две минуты до закрытия, из дома вышел пузатый невысокий неухоженный мужчина с сигаретой во рту и уставшим голосом, безо всяких приветствий сказал:

– Ну и чего ты приехал? Мы тебя вчера ждали.

Я опешил от такого гостеприимства и даже не нашелся, что ответить.

Он продолжил:

– Ладно, иди внутрь, завтра с тобой разберемся.

Это был Андрей, хозяин хостела. То, что с ним будет тяжело общаться, стало понятно еще после нашей первой переписки, когда моя самопрезентация вылилась в его скептическое: «Ну, я смотрю, ты ничего особенного не умеешь... ну да ладно, приезжай». Вот я и приехал. Туда, где меня, как оказалось, совсем не ждали.

Андрей – человек очень специфичный, но не плохой, хотя и пытается таким показаться тем, кто приехал ему помогать. Много повидавший, себя испытывший и во многом реализовавшийся; человек, для которого нет слова «невозможно», он по-прежнему остается злопамятным мизантропом и социопатом с нестабильными настроениями, которого очень легко вывести из себя. Бухгалтер и программист по образованию. Уважает только тех, кто старше него или что-то умеет. А все остальные – пушечное мясо, которое можно пустить в расход, либо ученики, которых можно чему-то научить, а потом гордиться тем, что это именно ты выучил. Слабое сломается, а сильное вырастет – такой у него принцип. При этом сам Андрей – мастер

на все руки. И не стесняется рассказывать о том, как приехал в Абхазию 8 лет назад и не умел ничего, а здесь пришлось научиться.

Он похож на ежа. Ворчит, фыркает, все тащит в дом. Больше всего удивляет, конечно, тот факт, что он вообще ничего не выкидывает. Старые гнилые доски, ржавые железяки, древние микросхемы, и даже гнутые ржавые гвозди (этих гвоздей был целый таз), и всякие уличные хозяйственные постройки, эстетический вид которых не особо важен, те же дровницы приходилось сколачивать из них, предварительно распрямляя, – в этом деле я стал мастером.

Андрей не выкидывал даже пластиковые бутылки! Из них он приноровился делать термоленту, которой очень удобно схватывать стыки, прогревая ее строительным феном. Чтобы ее сделать, достаточно одного швеллера с несколькими прорезями, болта, гайки и лезвия от канцелярского ножа – а потом режь сколько хочешь. Что уж говорить о грудке металлолома, которая лежала сбоку от арт-хижины, сокрытая от людских глаз. И весь свой мусор он находил куда пристроить.

Конечно, Андрей далеко не тот тиранчик, о котором писал Кастанеда. Он не забирал ни у кого документы, не стоял над душой с кнутом или ружьем, не заставлял что-то делать через принуждение, и в любой момент от него можно было уйти (или же он сам предпочитал выгнать). Он был добровольным тиранчиком для тех, кто ему это позволял. И если он чувствовал чью-то слабость, то отрывался по полной. Но стоило на него надавить в ответ, как он тут же прекращал все попытки морального насилия и превращался в застыженного мальчика. Иногда складывалось ощущение, что Андрей специально проявлял агрессию, чтобы его поставили на место. Но он освобождал и указывал на чужие слабости, и за это ему большое спасибо. Иначе бы я не стал столько о нем рассказывать.

В хостел нельзя просто взять и приехать. Сперва надо связаться с владельцами, пройти небольшое собеседование и получить одобрение. Так Андрей и его жена Маша убеждаются в том, что гости знают, куда едут: тут не отель и даже не комфортабельный коттедж, и какого-либо сервиса ждать бессмысленно. Полное самообслуживание, да еще и штрафы на каждом шагу.

Для гостей лишь крыша над головой и какие-никакие удобства. И в придачу целый мануал с правилами, за нарушение которых иногда следовало немедленное выселение. Ни горничных, ни поваров, ни прачек, к которым все так привыкли за последние годы на зарубежных курортах. Нет... Здесь никого никогда не будут облизывать с ног до головы, потому что этот хостел держат мизантропы. Однажды Андрей проговорился, что сделать хостел – самая большая ошибка в его жизни, но эта ошибка приносит неплохой доход. Он бы рад уже завязать с этим и наконец-то отправиться в бесконечное путешествие, без которого очень страдает, да не находится пока тот человек, который бы руководил хостелом вместо него.

Для волонтеров в хостеле предусмотрено два варианта проживания. Первый – работа три часа в день в обмен на жилье. Второй – пять часов за жилье и полноценное трехразовое домашнее питание. Я жил по последнему. Завтрак и ужин готовил сам (продукты выдавали хозяйка), а обед был общий. Правда, работа учитывалась не по количеству отработанного времени, а по эффективности. То есть если Андрей считал, что дело можно сделать за три часа, значит, даже если ты будешь делать его весь день, он все равно зачтет три. Поэтому волонтеры в «Старой Хижине» надолго не задерживаются. Хотя бывают и такие, кто приезжает туда на несколько месяцев, и даже я там был дважды.

Рабочий день начинался в 9 утра. Свое время можно отработать в любой момент, а можно соединить часы, отработать целиком один день, а следующий сделать выходным, это даже приветствуется. Работа тут разная и найдется каждому по его умениям. А если каких-то умений нет – можно научиться.

Девушки разрисовывают комнаты и следят за чистотой и порядком, ухаживают за огородом и садом, мальчишки – что-нибудь строят, таскают, копают и мастерят. Я делал мебель из

подручных материалов, в том числе из бамбука, перестраивал дровницы, строил перегородки и много чего еще по мелочи. Честно говоря, я даже и не думал, что могу делать такие вещи без какой-либо подготовки и из подручных средств. Особенно Андрей любил экономить на досках, поэтому старые половые доски порой приходилось пилить вдоль...

Жил я в общей комнате самого старого, разваливающегося на глазах здания. Помимо меня там было еще три человека – две девушки и парень. Вместо кроватей – топчаны – что-то вроде деревянного настила, где туристическая пенка заменяет матрас. Вместо одеяла – спальник. К такой жесткости быстро привыкаешь, и уже через несколько дней заметно выпрямляется спина. Для вещей – отдельная полка. Душ и туалет на улице. На условия я не жаловался, меня все более чем устраивало. Это было местом для ночлега, и много времени внутри дома я не проводил – не за этим сюда ехал. И до моря всего 20 минут пешком, а с балкона верхнего домика открывается чудесный вид на Сухум и окрестности.

Каждый вечер все жители хостела собирались в одной из хижин, пели песни под гитару, играли на барабанах, да и просто отдыхали. Люди были отовсюду: с Екатеринбургa, Москвy, Питера, Воронежа. Бывали даже иностранцы: за несколько дней до моего отъезда сюда на три месяца приехал парень из Турции, а перед этим гостила девушка из Латвии. Где-то за час до полуночи мы ложились спать... И каждый раз, засыпая, я пытался понять, как Андрей и Маша, добровольные изгои общества, смогли создать перевалочный пункт, своего рода чистилище для тех, кто находится на пути к себе. Хотел бы я заглянуть в их души, которые они так тщательно охраняют.

* * *

Путешествие без денег хорошо еще и тем, что ты можешь посетить туристические места либо бесплатно, либо значительно дешевле, чем это предлагают туристам. А кроме этого, посещение таких мест часто оборачивается настоящими приключениями, потому что тебя не возят на автобусе из одной точки в другую, полностью оградив от внешнего мира, а ты сам каким-то образом туда попадаешь.

Где-то на третий день моего пребывания в хостеле Андрей сказал:

– Завтра я еду за своими ребятами, которые с похода возвращаются, на Рицу. Могу тебя с собой взять. Только обратно сам добираться будешь.

Я, конечно же, сразу согласился. Такую возможность упускать было нельзя. Утром вместе с Сашей, моим соседом по комнате, мы погрузились в пикап Андрея. Он сразу предупредил, что въезд на Рицу платный – 350 рублей. Но, чисто теоретически, мы можем попробовать прошмыгнуть зайцами через КПП, чтобы сбор не платить.

По пути я расспрашивал Андрея о его жизни в Абхазии. Вместе с женой Машей они здесь уже 8 лет, переехали из Москвы, уйдя от городской суеты и неприятных людей. Маша занималась здесь недвижимостью, но после августа 2008 года, когда, согласно официальным сводкам, Грузия ввела войска на территорию непризнанной республики, а российские солдаты их оттеснили обратно, абхазский рынок недвижимости умер, и пришлось реализовать идею с хостелом, который стал приносить постоянный стабильный доход. Плюс к этому Андрей водил походы по горам, что очень скоро ему надоело – он любил ходить один.

Иностранцам в Абхазии что-либо купить нельзя, поэтому вся система купли-продажи здесь держится на честном слове и понятиях. Можно, конечно, попробовать получить абхазский паспорт, но стоит это будет очень и очень дорого, да и не факт, что его выдадут. Платишь всего лишь за попытку. Гражданство тут выдают только репатриированным: абхазское правительство очень заботит национальный состав своего государства, а разрешение на покупку недвижимости иностранцам приведет к тому, что абхазов тут не останется совсем. Их и так мало, намного меньше, чем жителей одного московского микрорайона.

– Но, – говорит Андрей, – если захочешь чем-то заняться здесь, можешь смело обращаться. У меня тут участок есть один в горах, очень красивый, давно ищу человека, который сделает из него конфетку. За свой счет, конечно же.

Проходить зайцем на Рицу мы передумали, как только увидели КПП и территорию вокруг. Оно размещено настолько удачно между двумя горами с крутыми склонами, что обойти его, конечно, можно, но очень сложно. Первый вариант – пройти справа по реке, пригибаясь, ногами в ледяной горной воде. Но за этим местом обычно наблюдают – все видно как на ладони. Второй вариант – слева, по крутым склонам через заросли, но с рюкзаками – не вариант. В общем, выложили по 350 рублей за въезд на территорию заповедника и, как выяснилось позже, не пожалели.

Само озеро, окруженное высокими снежными горами, мы стремительно проехали и помчались высоко вверх, в сторону озера Мзы, стоя в кузове пикапа. Это были незабываемые ощущения! По старой, почти заброшенной горной дороге шириной метра три мы то ползли, то гнали вверх, выкручиваясь на серпантинах. Тут постоянные оползни, и вокруг разбросаны камни и валуны, стволы деревьев, да и снег еще не везде сошел (в этих местах он тает только к середине июня). В какой-то момент пришлось даже вброд переезжать наземную часть водопада. Наверху нас ждал уже толстый слой снега, в некоторых местах достигавший метра в глубину. К этому я, честно говоря, совершенно не был готов. Думал, переночую где-нибудь рядом с озером и ни в какие пешие походы не пойду. Ага, как же...

Пока Андрей грузил свою группу в пикап, я наматывал на ноги полиэтиленовые пакеты, чтобы не промочить кроссовки. Чуть приодевшись из того, что было, мы с Сашей пошли дальше в горы, а Андрей поехал домой, оставив нас совершенно одних.

Я очень хотел подняться на вершину снежных гор, где я никогда не был, и казалось, что еще чуть-чуть, еще один поворот, и я окажусь там! Но, увы, до вершин было еще очень далеко, да и экипировка была не та: с тем, как я был одет, я бы там и остался. Поэтому этот поход стал всего лишь многочасовой ознакомительной прогулкой с красотой Рицинского заповедника. А Саша, мой сосед, очень хотел половить форель. Поэтому мы с горем пополам спустились к реке по склону с углом эдак градусов 70, где и расположились на пенках прямо на берегу быстрой горной реки. Костер развести не удалось – все вокруг было сырое. А где-то за 3 часа до темноты, когда сидеть на месте стало уже совсем холодно, я пошел обратно, оставив Сашу в своих попытках поймать хоть что-нибудь. Тут-то и началось самое интересное...

Часа через полтора я встретил абхаза лет 45, в камуфляже, с автоматом наперевес. Подумал, может, пограничник какой или охранник. Ан нет, оказался охотником. Пришел на медведя и видел его где-то на другой стороне реки – теперь искал поваленное дерево, чтобы перейти по нему на тот берег. Немного пообщавшись, я пошел дальше и буквально через 15 минут увидел «уазик», в кузове которого лежали два велосипеда. Рядом с ним стояли две девушки с одноразовыми стаканами в руках. А рядом – еще один абхаз с калашниковым.

Как-то так в горах получается, что все всегда друг с другом здороваются, общаются. Все очень мирно и дружелюбно. Чувствуешь себя как дома. Так и тут – поздоровались, завязался разговор. Оказалось, девчонки приехали из Москвы на майские праздники, поехали на велосипедах на озеро Мзы, но, доехав до снега и посмотрев на свою одежду, как-то засомневались в своих возможностях. Пока они думали над тем, возвращаться ли обратно, их нагнал «уазик» с охотниками. Те притормозили, познакомились и пообещали довести до самого озера. Но никто никуда, естественно, так и не доехал: по тому слою снега проехать было нереально, и внедорожник, едва выбравшись из снежной западни, так и остался стоять на границе льда и воды. И пока один охотник искал возможность перейти на другую сторону реки, другой караулил возле машины. Звали его Томас.

Он подошел спустя пару минут после меня и громко произнес: «Вай, девушки! Ну, а как же абхазское гостеприимство? Угощайте гостя!» И показал на две пятилитровые баклажки

домашнего вина – красного и белого. Меня накрыло после первого же стакана. Вино было вкусное, как сок, и очень сильное.

За разговорами незаметно прошел еще час, и до темноты оставалось около 40 минут, когда вернулся второй охотник – тот самый, которого я встретил в первый раз. Вернулся не один, а вместе с Сашей. С ним мы решили поставить лагерь прямо здесь, на единственном сухом пятачке, где не было снега и воды, а наши новые знакомые принялись помогать, разжигая костер газовой горелкой.

В процессе разговоров стало понятно, что абхазы девушек отпускать совсем не хотели, а мне в голову закралась мысль, что было бы неплохо оставить девушек с нами. Судя по всему, у них возникла та же самая идея, и мы начали играть в игру под названием «Избавься от абхазов с автоматами и останься при этом жив и здоров». Я громко сказал, что у нас есть две палатки, в них все поместятся, и что на ночь глядя никому никуда ехать не стоит, в том числе и охотникам, и мы все вместе можем весело провести время прямо здесь. Конечно же, расчет был на то, что девушки останутся, а абхазы уедут. И вот тут дружба кончилась...

У девушек вариантов было немного – либо поехать с охотниками вниз, либо остаться с нами. На велосипедах спуститься уже не получится – слишком темно для подобной прогулки по серпантину с крутыми обрывами. Прикинув варианты, они решили остаться с нами во что бы то ни стало.

Спорить с пьяными горячими кавказскими мужиками с автоматами о девушках, которых они хотят увезти, – дело не из простых. Тут либо пан, либо пропал. И девушек отпускать не хотелось, и самому по морде получить или чего еще хуже – тоже. Поэтому работали на два фронта – девчонки настаивали на том, что никуда они не поедут и их надо оставить здесь, а мне пришлось говорить с каждым охотником по отдельности, упоминая о том, что девочки взрослые, их заставлять нельзя, да и вообще, если хотите – оставайтесь с нами или приезжайте утром. Но разговор осложнялся тем, что мужики считали меня виноватым в сложившейся ситуации. Отвечали резко и без малейшего конструктива, а девушек открыто называли добычей вместо медведя. В какой-то момент они сказали, что готовы оставить здесь девочек и уехать, если мы с Сашей (который в споре не участвовал и занимался заготовкой дров) уедем вместе с ними. Такой вариант тоже не подходил.

Поэтому я, устав от спора, с алкогольной бравадой произнес:

– Ну, хорошо. Можете смело выпустить в нас пулю, а тела сбросить в реку. Или уезжайте. Мы отсюда точно никуда не сдвинемся.

И гордо замолчал. К моему удивлению, после этой фразы все и закончилось.

Мужики молча собрали вещи, сели в «уазик» и, посылая проклятия в мой адрес, уехали, напоследок сказав:

– Не понимаешь ты совсем, что делаешь!

Ну, а их добыча стала моей. До самой ночи мы отмечали успешное разрешение истории. Благо охотники забыли полканистры вина. Но, как оказалось, это был еще не конец. Начиналась самая холодная и самая долгая ночь в моей жизни. А на четверых у нас было всего две палатки, один спальник, две осенних куртки и пара флисовок. А вокруг – снежные горы и пронизывающий холодный ветер. Наступление холода мы заметили не сразу.

Сначала одна из девушек, Алина, ушла спать, а ее подруга, имя которой я не помню, еще долго сидела рядом со мной. Сначала мы, разгоряченные алкоголем, пели песни у костра, а потом эта девушка озлобленно рассказывала мне про своего мужа и о том, как ее достала ее семейная жизнь и работа. Говорила, как она мне завидует. Что я – абсолютно свободный человек, не связанный никакими обязательствами, и могу делать что захочу, быть где захочу и с кем захочу. Что она мечтает жить точно так же, но решиться на это не хватает духу. В этот момент я чувствовал себя супергероем, каким-то особенным человеком, и моя гордыня наелась такими словами впрок. А потом нас начало срубать, и мы решили лечь спать. Я с

трудом уложил новую подругу рядом с Алиной в свою двухместную палатку и накрыл обеих своим спальником, чтобы те не замерзли. Спустя какое-то время я и сам лег рядом, укутавшись в тоненькую египетскую тунику, от которой не оказалось никакого толку.

Около 11 вечера меня настиг жуткий дубак, и я выполз из палатки обратно к костру. Саша периодически уходил спать в соседнюю палатку в своей зимней куртке, а когда начинал замерзать, возвращался обратно. Вот в один из таких промежутков из палатки выползла Алина.

Мы сидели у костра, говорили о чем ни попадя, и я без труда угадал ее знак зодиака – Львов всегда видно невооруженным глазом. Я был в дюпель пьян, и она почему-то казалась мне самой красивой девушкой на свете. Я думал только о ней. Я хотел ее. И когда желание стало нестерпимым, спросил:

– Можно я тебя поцелую?

– О таких вещах не спрашивают, – ответила она, и сама меня поцеловала.

Не прошло и пяти минут, как ее рука оказалась в моих джинсах. Мы отошли в сторону, к поваленному дереву, где начали согреваться прямо на морозе, стоя в ледяной воде. Через некоторое время мы вернулись к костру.

Костер согревал только спереди, а вот со спины было очень и очень холодно. Когда стало совсем невыносимо, разожгли за спиной второй. Но и это не спасло, потому что с другой стороны начал дуть очень холодный ветер. А разжечь еще костер было просто негде – площадка была очень маленькой и неровной: с одной стороны обрыв, а с другой во всю ширину дороги постоянным потоком текла вода, собравшаяся с окрестных ручьев. Около 5 утра мы разбудили подругу Алины, которая спала дольше всех в тепле, забрали у нее мой спальник и пошли спать в соседнюю палатку, откуда только недавно вылез Саша.

А потом наступило утро! И это было самое лучшее утро за последние годы, которому я был безумно рад. В какой-то момент нам всем казалось, что эта ночь никогда не закончится, но когда первые лучи солнца начали греть кожу... Не скажу за всех, но лично я был невероятно счастлив.

Протрезвевшие девчонки, надев темные очки, уехали в районе 7 утра, быстро спустившись вниз на велосипедах, без каких-либо церемоний прощания. Было видно, как им стыдно за эту ночь, и они хотели поскорее исчезнуть. Саша снова пошел ловить рыбу. А я просто шел вниз, улыбаясь, распевал песни, фотографировал прекрасные горы и радовался жизни. В какой-то момент я почувствовал, как счастье переполняет меня, и мне захотелось поделиться им с кем-то очень близким и родным. Но такого человека у меня больше не было. Я сам выгнал его из дома. И в одно мгновение лучезарное счастье сменилось беспросветной печалью.

* * *

Мы с Сашей вернулись в хостел порознь. По дороге обратно я заглянул в Новоафонскую пещеру, а вечером присоединился к посиделкам во дворе верхнего хостела с теми самыми походниками, которых забирал Андрей. Там-то и случился весьма забавный случай.

Мы пили вино и курили кальян, когда парень слева от меня начал говорить про мой родной город – Ногинск. Мол, там было крутое антикафе, которому местная мэрия отдала один из городских парков, чтобы ребята его восстановили и сделали кинотеатр под открытым небом. Я внимательно слушал вольную интерпретацию стороннего наблюдателя, ведь он говорил о моем проекте.

Случилось это за два года до моего путешествия. Мне захотелось сделать у себя в городе хоть что-нибудь полезное, и первое, что пришло в голову, – открыть кинотеатр под открытым небом. Эта идея долго лежала в ящике, и вот в один прекрасный момент появилось желание ее реализовать. Я никак не мог выбрать подходящее место, пока случайно не наткнулся на давным-давно заброшенный небольшой парк на окраине города, очень удачно расположенный на

берегу Клязьмы. Прикинув, что к чему, поделился идеей с Кипером – знакомым из «Некафе», который согласился помочь, но скорее информационно, нежели как-то иначе – он был занят открытием второго заведения во Владимире и физически присутствовать не мог.

Состояние парка было удручающим. Среди вековых деревьев, на земле, поросшей порослью и крапивой, то и дело спали пьяные тела. Повсюду были разбросаны шприцы и бонги из пластиковых бутылок, а уж сколько мусора...

Но я смотрел на парк и видел совершенно другое. Видел его таким, каким он должен был стать. Вот здесь, на бетонной платформе с высокой стеной, будут кинотеатр и танцплощадка. Вместо бетонного кольца среди деревьев – фонтан. Рядом с мостом, чуть левее, мы поставим пристань, а детская площадка станет лучшей во всем районе. По забавному стечению обстоятельств, как позже рассказали местные старожилы, мои представления о парке были реализованы в советские времена, и все было точно так же, как я себе и представлял. Правда, где-то с середины 80-х все пришло в упадок, и с тех пор парком никто не занимался. То есть больше 30 лет он был заброшен.

Я объявил о задумке в соцсетях и приступил к делу без каких-либо средств и инструментов. Сначала мы принялись за уборку парка. Начинали втроем – я и две девушки, с которыми познакомился за пару дней до этого и зажег идеей. На следующий день нас стало уже пятеро, а через неделю сформировалась стабильная команда из 10 человек, которые каждый день что-то делали. Мэрия выделила нам грабли и лопаты, а потом помогла вывезти весь собранный мусор, для этого грузовику пришлось сделать несколько ходок. Мы вырубали и выкосили всю поросль и молодые деревья и сделали из них невысокий плетеный забор вокруг детской площадки. Расчистили старую танцевальную площадку от мусора, грязи и растаявшего асфальта, забетонировали детские карусели и качели. Мэрия подарила нам новый детский комплекс, появились люди, которые сделали пристань, и парк тут же наполнился мамами с детьми, молодыми парочками и бабушками с дедушками. Атмосфера изменилась моментально – уныние превратилось в тихую радость.

Когда мы закончили уборку и благоустройство территории парка, то принялись за кинотеатр. Обилие досками стены, разукрасили их разными цветами, побелили фасад, а мой институтский друг, промышленный альпинист в одной из своих ипостасей, помог повесить на него огромный баннер три на шесть метра, закрепленный на деревянном каркасе. Из поддонов, которые появились благодаря усилиям старших и ответственных людей, сколотили кресла и диваны, сделали качели, с которых можно было смотреть фильмы, собрали по знакомым необходимым аппарат и в начале августа запустили первый киносеанс. С тех пор каждый вечер в нашем парке собирались около двухсот человек со всего города, чтобы хорошо провести время. Без какой-либо рекламы. Когда ты делаешь что-то для других людей от всего сердца, то сарафанное радио работает лучше любого маркетинга.

У меня не было даже мысли заработать на том, что мы сделали, хотя такая возможность была. Мне просто хотелось сделать. Поэтому после окончания всех работ я уехал на два месяца на Алтай, а затем и на Кавказ, а человек, которого я оставил за главного, совершенно к нему не присмотревшись, со своими обязанностями не справился, и через пару месяцев все это дело утихло. Оборудование украли, а вандалы испортили все, что мы строили. Но опыт мы получили отменный. И самое главное – все это делали простые пацаны с района, от 10 до 17 лет, и все, что, в конце концов, получилось, – это их рук дело. Не без помощи взрослых, но все же. Не знаю, поймут ли однажды, что на самом деле они сотворили...

Я сказал тому парню, что он говорит обо мне. И пересказал вкратце всю историю. А потом он вспомнил меня, а я – его. Мы с ним даже встречались, чтобы обсудить оформление кинотеатра: он профессионально занимался сценическими декорациями и очень хотел помочь нам с проектом, но из-за большого количества работы так и не смог присоединиться. С одной

стороны, в который раз удивляешься, насколько этот мир тесен, а с другой, – как же быстро мы забываем свое прошлое...

Эта история с парком тоже случилась не просто так. Надо было чем-то себя занять, чтобы выбраться из депрессии, не дать ей себя съесть. Наверное, это уже вошло в привычку: когда кажется, что пути дальше нет, вспоминать про крылья и начинать отчаянно ими махать, чтобы не разбиться в лепешку о повседневность...

* * *

Почти каждый день, что я находился в Абхазии, я заново переживал все, что происходило со мной когда-либо. Как будто Вселенная крутила передо мной фильм, без обеда и рекламы, который мне надо было усвоить. Она показывала: «Вот, смотри. Ты это уже проходил, но забыл. Пора бы тебе окончательно усвоить урок и идти дальше, а не ходить в сотый раз по кругу». А то есть у меня такая привычка – быстро забывать весь опыт, который я пережил, и снова искать пройденных переживаний.

Одно из таких напоминаний звучало примерно так: «Парень, оглянись! У тебя вообще нет никаких проблем, понимаешь? Ни-ка-ких!» В первый раз я уловил это послание, когда по делам мне пришлось заглянуть в общество инвалидов в своем родном городе, где я не увидел ни одного несчастного человека, хотя целыми днями они сидели за швейными машинками и получали 500 рублей в месяц за свою «трудотерапию». Ну а в этот раз все иллюзии касательно моих проблем развеялись окончательно...

Когда я смотрел на своих соседей по хостелу, Тамару и Антона, то в очередной раз убеждался, что на самом-то деле у меня все хорошо, хотя всю жизнь считал, что на моих плечах лежит неподъемный груз, от которого никак не избавиться, и который причиняет мне невероятные страдания. Хотя на самом деле этот груз придумал я сам и где-то глубоко внутри искренне получал удовольствие от своих выдуманных страданий – только через боль я чувствовал себя живым.

Тамара и Антон – муж и жена. Мои ровесники. У обоих – рассеянный склероз. Трость их постоянный спутник. Эта болезнь не та, что обратилась в шутку, когда что-то забываешь, а действительно страшный диагноз. И проходит она волнообразно: обострение – ремиссия – обострение – ремиссия.

Обострения случаются один-два раза в месяц, иногда чаще, иногда реже, и в это время могут отниматься ноги, пропадать зрение, слух или речь. По-разному. А когда обострений нет, ребята ходят с палочкой, как старички, и выглядят очень слабыми. На первый взгляд.

Тамара из Воронежа. Рассеянный склероз ей диагностировали в 17 лет. Тогда она училась на втором курсе Московского университета управления по специальности «менеджмент в шоу-бизнесе», параллельно занимаясь организацией концертов в своем родном городе. Сначала у нее ухудшилось зрение, после этого начали отниматься ноги. Невозможность передвигаться застала ее в Москве, когда она была совсем одна в съемной квартире. Она не могла даже сходить в магазин за продуктами, и когда заказывала на дом пиццу, то буквально ползком добиралась до двери, чтобы впустить курьера. А однажды ночью, пересилив себя, Тома решила выйти на улицу. Она не хотела впасть в уныние, а, наоборот, горела желанием быть сильнее своей болезни. Опираясь на стенку, она очень медленно делала шаг за шагом... Ей казалось, что дорога от квартиры до выхода из подъезда бесконечная, а путь до ближайшего магазина – самый длинный в ее жизни. Когда она дошла, то купила лишь маленькую баночку йогурта, которая показалась ей невыносимо тяжелой. С тех пор каждый день она пыталась пройти хоть сколько-нибудь, лишь бы не сидеть на месте.

Спустя несколько лет Тома вышла замуж, но новый муж, понимая, что рядом с ним больная жена, начал пить. Мама Тома, взяв кредит, помогла ей пройти курс химиотерапии и сде-

лать операцию по пересадке стволовых клеток, все вместе это стоило почти миллион рублей. А вскоре после этого она познакомилась с Антоном.

Антон родом из Тулы. Болезнь застала его в 19 лет. Во время учебы на логиста он играл в музыкальной группе на бас-гитаре и примерно в это же время открыл свою транспортную компанию. Сначала Антон начал хромать, затем появилось двоение в одном глазу. К счастью, его отец оказался невропатологом, поэтому родные о болезни знали все. Сначала его лечили гормонами, но это лишь откладывало обострения на каждые три недели, а после препараты и вовсе перестали помогать. Тогда он начал искать альтернативный способ вылечиться от болезни, и один знакомый посоветовал ему лечебное голодание. Считается, что после трех недель голодания организм очищается и начинается его перестройка. Одновременно учась в институте и занимаясь делами своей фирмы, Антон по ночам читал книги о том, как правильно голодать. Глаз, в котором все двоилось, он закрывал рукой и читал только здоровым. На второй неделе голодания он заметил, что двоения стало меньше и ходить он стал лучше. Благодаря этому гормоны стали снова помогать, и он закончил институт. Но это не лечило болезнь, а лишь оттягивало ее проявления.

Тогда-то он и познакомился с Томой на одном из тематических интернет-форумов. Она, пройдя через химиотерапию и трансплантацию и зная последствия всего этого, как могла поддерживала Антона, рассказывая ему весь процесс в мельчайших подробностях. А после операции, которую Антону сделали в 2012 году, приехала к нему в Тулу. Так они и подружились. Она помогала ему учиться ходить заново, потому что после такой операции все приходится начинать с нуля.

Вернувшись домой, Тома подала на развод с мужем, забрав у него только кошку. Чуть позже вместе с Антоном они переехали в Воронеж, поженились и стали жить в одной квартире вместе с мамой и бабушкой. Своего жилья они получить не могут: во-первых, инвалидам первой группы не выдают кредитов, а, во-вторых, на квартиру от государства им тоже рассчитывать не приходится, потому что, получая пенсию в 10 тысяч рублей, они не относятся к категории малоимущих граждан. Так и живут: во время обострений вместе лежат в больнице, передвигаясь между палатами с капельницами, а во время ремиссий стараются путешествовать. Вот и здесь, в Абхазии, они живут уже почти два месяца и скоро собираются домой. И однажды мечтают провести зиму в Индии.

Ребята не депрессируют, не плачут и не жалуется на жизнь. Они стараются прожить каждый день так, словно он последний. В глазах у Антона – огромная сила, а от сияющей улыбки Тома хочется улыбаться в ответ.

Они радуются жизни, они ценят жизнь. Потому что знают: в любой момент она может закончиться.

* * *

Помимо Тома и Антона в хостеле можно встретить совершенно разных людей, и каждый – со своей историей, с чудесным преображением жизни.

Вот, например, Аня и Даша – две блондинки-лесбиянки, чуть старше двадцати лет, которые так же, как и я, едут в Монголию. Правда, стартовали они из Питера и путь держат через Красноярск, но все равно дорога им предстоит дальняя. Даша – поэт, и под псевдонимом, прямо во время путешествия, работала на один из журналов северной столицы.

Или Наташа и Влад – муж с женой из Тольятти. Уволились с работы, продали все вещи и переехали жить в хостел, подрабатывая домовыми: присматривают здесь за порядком и решают некоторые организационные вопросы.

Саша, с которым я ездил на Рицу, из Воронежа. Он живет здесь уже три месяца и все это время строит террасу из камней. Он самый таинственный из всех жителей хостела, потому

что говорить о себе не любит, и поэтому всем удобно считать, что здесь он скрывается от армии. Каждый вечер он пропадал на несколько часов, и мы долгое время не могли понять, куда именно. Правда, однажды он проговорился, что просто медитирует на Тамарином мосту, до которого час ходьбы в одну сторону.

Алина – молоденькая девушка из Екатеринбурга, этой весной решила прокатиться по своим друзьям-знакомым на юг России со скейтом в маленьком рюкзаке. Она художница и в обмен на проживание разрисовывает одну из комнат в хостеле. Каждый день по утрам занимается йогой.

Федя и Лера – муж с женой, уехали из хостела домой в Белоруссию через несколько дней после моего приезда. Федя непрерывно путешествует уже почти 10 лет и объездил весь наш континент. Он-то мне и рассказывал, с чем мне придется столкнуться в Китае – с абсолютным незнанием английского, вежливыми полицейскими и добродушными людьми, всегда желающими отвезти тебя на ближайший вокзал.

Или же Оля – девушка-загадка, которая никогда не сидит на одном месте, и я так и не понял, откуда она родом. Она отлично делает массаж и, взглянув на человека, может сказать о нем все. Записывает интервью с теми, кто ей пришелся по душе.

Тут далеко не только молодежь – часто встречаются люди и постарше. Например, Елена – бывший командир тюремного спецназа, а сейчас – вольный художник, который каждый свой день рождения проводит в разных местах. Сюда привезла индийских самокруток, биди, которые мы скурили практически за раз в один дождливый вечер, как раз в ее праздник. Или Николай – мой земляк, который в свои 67 лет едва ли выглядит на 50, бегаёт по утрам, а его бодрости и жизнерадостности позавидует любой юнец. Правда, попал он сюда случайно: одна питерская компания организовывала велотур по Абхазии, но группа не набралась, а его все-таки отправили, заверив, что все будет хорошо. Хорошо-то случилось, но исключительно благодаря неравнодушным жителям хостела и оптимизму самого Николая, который, кажется, все это время в своей комнате почти не бывал, а в последние дни отправился вместе с Андреем покорять четырехтысячник.

Раз в несколько дней мы собирались в нижнем хостеле и устраивали чаепитие, где пели песни под гитару, играли на барабанах, да и просто весело проводили время. И, признаться честно, я никогда бы не подумал, что буду так шикарно жить, не потратив при этом ни копейки денег.

* * *

А вот Алина, она из Якутии. После школы уехала учиться в Питер, проработала там четыре года по специальности, заполняя контент в соцсетях, а затем рванула в Москву. Потом плюнула на все, уволилась и отправилась путешествовать. Сперва она планировала навестить бабушку в Бурятии, но по каким-то причинам передумала и оказалась в Абхазии. Это если вкратце... В полной версии всему этому сопутствовала любовная история с молодым человеком и двумя детьми, в результате которой она и оказалась на улице (а сразу после – в Абхазии).

Волонтерить в хостеле Алину не взяли: буквально на второй день своего пребывания она выставила свежешолаченный столик – мою первую ремонтную работу – на открытую местность, и вскоре он попал под дождь. Лак не успел высохнуть, все разбухло и поползло, и три часа работы оказались насмарку. Андрей таких косяков не любит, поэтому предложил Алине альтернативу: либо уезжать, либо заплатить 3 тысячи рублей и спокойно жить месяц в общей комнате. Она согласилась на второй вариант.

Алина была достаточно нелюдимой, много курила под лестницей на улице и каждый день, в 5 утра, уходила на набережную на пробежку. Наша дружба началась с вина, на вине и держалась. Когда кто-то из гостей хостела уезжал, то обычно оставлял за собой около полулитра

домашнего вина, а иногда даже чачу, и Наташа, домовой, всегда приносила остатки нам: сама-то она не пила, а мы иногда баловались. Абхазское домашнее вино, кстати говоря, очень вкусное и цепкое, если покупать у правильных людей. Одного-двух стаканов уже достаточно, чтобы было хорошо, а вкус, словно у сока, – приятное сопровождение. Но так много, как в этом путешествии, а особенно в Абхазии, я не пил никогда. Особенно если учесть, что я вообще человек не пьющий. Но на тот момент со своим внутренним горем, безудержно меня терзавшим, я умел справляться либо так, либо наркотиками – чувство вины перед моей женой, заглушенное эйфорией от новых впечатлений, постепенно выходило на первый план, и я бессознательно пытался от него избавиться.

В общем, Алина была одна, и я был один. В какой-то из разговоров, в самом начале знакомства, я, дабы блеснуть своей крутизной, мол, смотри, какой я крутой путешественник, сказал ей:

– А поехали со мной в Монголию!

И она, черт возьми, согласилась. Она так загорелась этой идеей, что буквально за пару недель сбагрила в Адлере свой модный чемодан на колесиках, который стоил 18 тысяч рублей, где-то раздобыла рюкзак и спальник и была готова к дальней дороге.

К этому моменту я уже десять раз пожалел, что сделал ей такое предложение, но отказывать было нельзя – человек действительно решил продолжить менять свою жизнь, а обламывать людей я не люблю, пока готов их терпеть. Но до отъезда оставалось еще около трех недель, поэтому в мои выходные мы гуляли то там, то сям, как два попутчика, встретившиеся на пути. Правда, мы практически не разговаривали, разве что за исключением первых дней.

Как-то Алина пришла со своей прогулки и сказала, что на Тамарином мосту познакомилась со старым абхазом, который завтра на машине едет в горы, за деревню Апианда. У меня как раз был выходной, и я напросился вместе с ней. На автобусной остановке рядом с мостом надо было быть в 8 утра. Конечно же, мы опоздали, причем почти на час, и нас уже никто не ждал. Ну, не домой же идти, в самом деле. Поэтому решили дойти до горы сами.

Тамарин мост – он же мост Царицы Тамары, или Беслетский мост – это горбатый мост через горную речку, построенный где-то в X веке. Говорят, строили на яичном желтке, поэтому держится до сих пор. Грузоподъемность 8 тонн. Проехать по нему, конечно, нельзя, но походить-повалиться – всегда пожалуйста. Если встать под правильным углом, то оказываешься словно в сказочном Хоббит-шире, а из-за горы вот-вот выйдут маленькие человечки с волосатыми ногами.

От моста идет дорога. Не серпантин, но среди гор. Еще каких-то 30 лет назад тут ездили автобусы и машины, ходили пешком люди, а кто-то передвигался на велосипеде. Сейчас же, после грузино-абхазской войны, это просто пустая разбитая дорога, на обочинах которой стоят памятные таблички: «Здесь 20 сентября 1992 года во время жестоких боев погиб...» На многих – фотографии молодых парней, едва ли старше меня, отдавших свои жизни из-за очередной борьбы за деньги и власть абсолютно чужих им людей.

Апианда – гора и одноименная деревня находятся примерно в 25 километрах от Сухума. Где-то на середине пути сзади нас послышался шум машины. Это был «Ленд крузер» с прицепом, который ехал в нужную нам сторону. За рулем – абхаз, на пассажирских сиденьях – узбеки. В прицепе – цемент и лопаты. Перекинувшись парой слов с водителем, мы с Алиной залезли в прицеп и помчались вперед.

Отбивая копчики, мы ехали мимо брошенных деревенских домов, и мне стало как-то не по себе. Стало грустно и тоскливо при виде этой прекрасной апокалиптической картины... Роскошные двухэтажные дома, поросшие зеленью; полуразрушенные, обвалившиеся особняки с колоннами. Заросшие яблоневые и мандариновые сады, абрикосовые деревья. И все это на фоне чудесных гор. Каждые девять из десяти домов оставлены. В деревнях в Абхазии почти не живут, а уж если она еще и далеко от города, то порой и вообще никого не встретишь. А

ведь когда-то здесь цвела жизнь! Каждое лето собирали яблоки и абрикосы, каждую зиму – мандарины и орехи, а потом загружали в грузовики и развозили по всему Советскому Союзу. Именно за счет этой торговли абхазы и процветали. Суммы, которые власти платили за каждую тонну урожая, были огромными: и пока весь Союз жил как жил, абхазы строили себе дома, покупали машины и чувствовали себя довольно-таки неплохо. Сейчас же все иначе. После распада СССР и тяжелой войны началась разруха, и деревни опустели. В Акапе, по которой мы ехали, жили в основном греки, и почти все, кто смог, уехали на родину, оставив после себя лишь роскошную архитектуру и гектары брошенных плодовых садов... И глядя на все это своими глазами, в который раз понимаешь – ничто не вечно. За взлетом непременно следует падение, а за падением – взлет. Нет смысла цепляться за какое-то одно состояние, ровно как нет смысла тратить все свои силы на то, чтобы удержаться на гребне волны. Нужно быть готовым ко всему, и все происходящее принимать с благодарностью. Ведь плохое событие не обязательно приводит к плохому, а хорошее к хорошему. Все это лишь ступени на лестнице, по которой мы идем, не зная куда. Главное – полагаться только на себя и как можно меньше зависеть от внешних обстоятельств. Иначе разрушение мира внешнего приведет к разрушению мира внутреннего. А это то, чего ни в коем случае не должно происходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.